

К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА

Казаков Евгений Фёдорович, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: kemcitykazakov@mail.ru

В статье обосновывается правомерность утверждения о двух, достаточно автономных, линиях эволюции человека, позволяющих говорить об «историческом параллелизме». Первую линию представляет преимущественно биологическое развитие (находящее выражение в доминировании материальных, плотских потребностей); вторую – преимущественно сверхбиологическое развитие (находя-

щее выражение в доминировании духовных потребностей). Эти две линии развёртываются достаточно автономно друг от друга. Становление человека, тем самым, предстаёт не гомогенным, а контрарным гетерогенным (разнонаправленным) процессом. Две линии эволюции дают основание говорить о приведших к ним «двух рождениях» человека, одно из которых может быть объяснено природными, другое – сверхприродными (божественными) причинами. В таком случае эволюционно-биологическая и религиозная (шире, метафизическая) точки зрения, объясняющие происхождение и развитие человека, – не исключают, а дополняют друг друга. Во «второе рождение» человечество вступает тогда, когда открывает своё (общечеловеческое, планетарное, вселенское) предназначение, поняв смысл своего пребывания в Мироздании. Отчётливого понимания этого не сложилось до сих пор, из чего следует, что указанная стадия эволюции ещё не пройдена (что выражается в малой соотносённости судьбы отдельного человека с судьбой человечества). Можно говорить о «телесном» рождении человечества, но душа его ещё «рассеянная», существующая в виде отдельных малосвязанных сегментов. Развёртываемый подход предлагает новое «прочтение» проблемы теодицеи: нравственное зло совершают (легко и спокойно) плотские души (живущие, преимущественно, биологическими приоритетами), так как для них такого зла не существует, а есть только физическое зло (вызывающее физические страдания, страдания плотской души). На протяжении всего своего исторического пути человечество – биологически едино, но метафизически – разнородно. Как однопорядковое целое, к настоящему времени, оно – больше возможность, чем действительность; больше – становящееся, чем ставшее, в своих глубинных сущностных интенциях; не постигшее своего главного предназначения, тем более, не реализовавшее его. Парадокс в том, что «тектоническая эволюционная трещина» проходит не только через общечеловеческое «душевное поле», но и, в той или иной степени, через душу каждого человека, через «мою» душу. И человечество, и человек, одновременно – и «чадо Божие», и «чадо плотское»; движимое и духовными, и плотскими интенциями сразу по двум эволюционным линиям: к Богу и от Него. Человек в своей массе ещё и не возникал. С этой точки зрения история человечества как целостности – это, по существу, ещё предыстория его свободного сущностного самораскрытия.

Ключевые слова: история, эволюция, человек, два эволюционных пути, сущность, существование, потенциальность, актуальность, «два рождения» человека, антропогенез, исторический параллелизм, плотская душа, духовная душа, биологическое, метафизическое.

TO THE PROBLEM OF CULTURAL-HISTORICAL PARALLELISM

Kazakov Evgeniy Fedorovich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Philosophy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kemcitykazakov@mail.ru

The article substantiates the validity of claims about the two, fairly self-contained, the lines of human evolution, allowing to speak of “historical parallelism”. The first line is predominantly biological development (and finding expression in the dominance of material, bodily needs); the second – mostly svarbiausias development (which finds expression in the predominance of spiritual needs). These two lines are deployed with sufficient autonomy from each other. The development of man thus appears not homogeneous, but heterogeneous contranym (multi-directional) process. Two lines of evolution give grounds to speak about that led to the “two births” of a person, one of which can be explained by natural, the other supernatural (divine) causes. In this case, evolutionary biology and religious (wider, metaphysical) point of view, explaining the origin and development of the person – do not exclude but complement each other. In the “second birth” of mankind comes when it opens up their (human, planetary, universal) purpose, understanding the meaning of his stay in the Universe. A clear understanding of this not happened until now, which means that this stage of evolution has not been passed (resulting in low correlation of the individual fate with the fate of humanity). It is possible to speak of a “corporeal” birth of humanity, but his soul is still “broken”, which exists as a separate malosvyazannye segments. Deployable approach offers a new “reading” problems of theodicy: moral evil committed (and easy) the carnal soul (living mainly biological priorities), as for them such evil does not exist,

but only physical evil (causing physical suffering, the suffering of the carnal soul). Throughout its historical path humanity is biologically one, but metaphysically diverse. Of the same order, as a whole, to the present time, it is more a possibility than a reality; more – becoming than who, in their deep intrinsic intentions; I did not grasp its main purpose, moreover, is not realizing it. The paradox is that the “tectonic evolutionary crack” takes place not only through human “mental field”, but also, in varying degrees, through the soul of each person through “my” soul. And mankind, and man at the same time – and “child of God” and “child of the flesh”; movable and spiritual and carnal intentions under two evolutionary lines: for God and from Him. People in the mass, has not yet occurred. From this point of view, the history of mankind as integrity is, in essence, still the background to free the essential self-disclosure.

Keywords: history, evolution, people, two evolutionary paths, nature, existence, potentiality, actuality, “two births” of human, anthropogenesis, historical parallelism, the carnal soul, the spirit soul, biological, metaphysical.

Бросающаяся в глаза, доходящая до контрастности, «разнополюсность» человеческих «типов» даёт основание говорить о приведших к их появлению двух, достаточно автономных, линий эволюции. С давних времён формулируется точка зрения об «эволюционном параллелизме», утверждающая, что становление человека – не гомогенный, а гетерогенный процесс, развёртывающийся по двум магистральным путям. Так, в «Евангелие от Иоанна» читаем: «Пришёл к своим, и свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его, верующим во мя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились» [6]. Таким образом, есть люди, рождённые от «похоти и плоти» («плоть от плоти») и есть люди, рождённые «от Бога» («дух от духа»). Л. И. Шестов в работе «Власть ключей» утверждает: «Часть людей действительно произошла от согрешившего Адама, чувствует в своей крови грех своего предка, мучится им и стремится к утраченному раю, а другие, и в самом деле, произошли от несогрешившей обезьяны, их совесть спокойна, они ничем не терзаются и не мечтают о несбыточном» [16, с. 63]. И, в самом деле, различия между одними (мучающимися неутолимой тоской и вечной жаждой, вечным неумением найти на Земле то, что нужно) и другими (вполне удовлетворёнными сущим и не мечтающими о должном) порой «зашкаливают».

Н. А. Бердяев выделяет две линии эволюции человека (перекликающиеся с утверждением Иоанна): люди, произошедшие от обезьяны (в результате «дарвиновско-энгельской эволюции») и люди, рождённые Богом (христианская, например, идея). Если первым в целом вполне

достаточно удовлетворения лишь физических потребностей (они «живут, чтобы есть» (см., например, «Едоки картофеля» Ван Гога), то вторые стремятся, прежде всего, к удовлетворению духовных потребностей («едят, чтобы жить» (см., например, «Свобода на баррикадах» Э. Делакруа). В работе «Смысл творчества» Н. А. Бердяев пишет: «Почти с равным правом можно говорить о божественном происхождении человека и о его происхождении от низших форм органической жизни природы. Почти с равной силой аргументации защищают философы первородную свободу человека и совершенный детерминизм, вводящий человека в роковую цепь природной необходимости. Человек – одно из явлений этого мира, одна из вещей в природном круговороте вещей; и человек выходит из этого мира как образ и подобие абсолютного бытия и превышает все вещи порядка природы. ... Природный мир не в силах был бы перерасти себя в высшем самосознании человека – в природных силах «мира сего» не заложено никакой возможности такого самосознания. Из низшего высшее не могло родиться... Человек не только от мира сего, но и от мира иного, не только от необходимости, но и от свободы, не только от природы, но и от Бога... Человек не только природное существо, но и сверхприродное существо, существо божественного происхождения и божественного предназначения, существо, хотя и живущее в «мире сем», но «не от мира сего» [2, с. 293–325].

Л. Н. Гумилёв разделяет людей на пассионариев (*passio* – **страсть**), живущих по формуле «самовыражение выше самосохранения» (главные их устремления – сверхбиологические), и субпассионариев, живущих по формуле «самосохранение

выше самовыражения» (главные приоритеты для них – биологические; они принципиально не отличаются от животных). Субпассионарии (вялые, эгоистичные люди, руководствующие потребительством) стремятся уничтожить пассионариев (вообще, трудолюбивых людей). Когда это удаётся, в развитии общества наступает обскурация [3, с. 33]. *Главная ценность для субпассионариев – здоровье и продолжительность жизни, то есть простое биологическое воспроизводство (они – «химические лаборатории» по परिवариванию здоровой пищи). Для людей-пассионариев творчество, познание, преобразование мира, религиозное служение намного важнее заботы о своём физическом благополучии (Когда Микеланджело расписывал потолок Сикстинской капеллы, он жил на строительных лесах, работая почти безостановочно. Он там и спал и ел (верёвкой ему поднимали наверх еду, одежду, краски). Он почти ослеп (так как работал при свечах), стал горбатым (так как потолок приходилось расписывать лёжа). В прямом смысле слова, он «горел» жаждой творчества).*

Г. И. Гурджиев в книге «Всё и вся» выделяет разные системы потребностей, интересов и ценностей для «разнополюсных» типов людей: *физический человек* (пребывающий во «сне») погружён в сферу непосредственных материальных интересов, никогда не поднимается над уровнем своего незатейливого существования; и *собственно человек* («полное пробуждение») – достигший «кристаллизации», ставший целостным, гармоничным, живущий полным сознанием, сам организующий свою жизнь, много знающий и много делающий [4, с. 211–212]. Говоря христианским языком, и предистория, и история состоят из взаимобратных тенденций: отдалении человека от Бога (рост потребительства, эгоизма, насилия, жестокости); и – непрекращающемся стремлении к Нему, к большей духовности (понимание ценности каждой человеческой жизни, мира, свободы, творчества, познания, красоты, справедливости).

А. Маслоу в книге «Мотивация и личность» выстраивает «Пирамиду» человеческих предпочтений, начинающуюся с присущих всем «базовых» потребностей (в самосохранении, размножении, защите), «сужающуюся» далее на уровне *социальных* (принадлежность к общности, уважение родных, близких, коллег) и ещё более – *духов-*

ных (познавательных, эстетических) потребностей; «венчающуюся» реализацией своих целей и способностей [11, с. 121–124]. С «Пирамидой» А. Маслоу можно поспорить: многим людям достаточно первых двух ступеней (физические потребности и безопасность) плюс развлечения (верхние ступени для них – не актуальны); *чем выше «Пирамида» – тем меньше у неё покорителей.* Есть смысл дополнить предложенную А. Маслоу иерархию и «сверху», и «снизу». «Пирамида» построена в соответствии с западными предпочтениями (*культ индивидуализма*), отличающимися от отечественных (*культ коллективизма, соборности, мессианства*). «Выше» самоактуализации – *самопожертвование*, забота о благе другого – важнее заботы о собственном благе (выхаживание больного, забота о детях и стариках, бедных и бездомных, спасение природы, служение Богу). «Базовые» потребности человека – такие же, как и у животных. Главный приоритет здесь – сохранение жизни (своей и родовой – инстинкт самосохранения и инстинкт размножения), а главный страх отсюда – страх смерти. Но, *если для животных нет ничего страшнее смерти, то для человека (как существа сверхбиологического) страшнее смерти – бесчестие (именно с ним связаны хакари японцев), предательство, одиночество, бессмысленность и пустота жизни, потеря близкого человека, унижения, оскорбления (особенно публичные), муки совести (неутолимое чувство вины), несчастная любовь, чувство богооставленности, дряхлая старость (желание не быть обузой), смертельный диагноз болезни...* В этот длинный список входят все те причины, из-за которых человек совершает *самоубийство* (значит продолжение жизни для него – страшнее, тяжелее, чем её прекращение).

У людей с не открывшемся метафизическим дыханием доминирует *животная душа*, они живут больше телом (зло для них – физические страдания). У них доминирует биологическое (половое влечение, инстинкт самосохранения и доминирования, забота о здоровье и долголетию); они стремятся к выгоде, пользе и удовольствию. Самое страшное для них – физическая смерть. *У людей с метафизическим дыханием* доминирует *духовная душа*, они живут больше духом (зло для них, прежде всего, – нравственные страдания). Они готовы к самопожертвованию ради

жизненно важной сверхбиологической цели; их приоритеты – честь, справедливость, творчество, вера и любовь. *Страшнее смерти для них – бессмысленность, бесчестие, предательство (в том числе себя)*. У первых доминирует инстинкт самосохранения (самовоспроизводство, стремление к безопасности), то есть господствуют биологические приоритеты; у вторых – склонность к самопожертвованию ради жизненно важной сверхбиологической цели. Отсюда для первых, как для всех биологических существ, самое страшное – смерть; для вторых страшнее смерти – неспособность достигнуть цели жизни, бессмысленность, пустота, бесчестие, предательство, безверие, безлюбие. Если первые, по Конфуцию, стремятся к выгоде, то вторые – к справедливости.

Э. Фромм в книге *«Быть или иметь»* утверждает, что человек раздвоен на инстинкты и самосознание (разум, воображение, творчество); преодоление этой раздвоенности возможно через доминанту *«иметь»* (обладание вещами, деньгами, должностями) или *«быть»* (творчество, любовь); у *«рыночного»* человека побеждает *«иметь»* (отсюда, гипертрофированное, постоянно меняющееся Я, потеря идентичности, неумение ни любить, ни ненавидеть; функционирование в соответствии с логикой «мегамашины» (государства), частью которой они являются); критерий его успешности – счёт в банке, карьерное продвижение (см. [15, с. 46–49]). Тем самым, происходит коммерциализация всех отношений человека, в том числе и межличностных (плата ребёнку за домашнюю работу и хорошие оценки, дружба с «нужными людьми», измерение силы чувства ценой подарка). Личность, ориентированная на потребление, «обладание», стремится как можно больше иметь, всё и вся меряя деньгами, но... *«человек приходит в этот мир голым, и голым уходит из него»*.

«Разнополюсность» людских типов проявляется в «разночтениях» моральных ценностей. Так, лидер киренаиков *Аристипп* утверждал, что добро – это здоровье, долгожительство, самосохранение, обзаведение потомством, телесный комфорт, отсутствие страданий, удовольствие; а зло – болезни, бесплодие, плохое питание и условия жизни, страх, чувство незащищённости, страдания, ранняя смерть. Противоположный взгляд отстаивал стоик *Зенон Китийский*: добро – по-

знание необходимости, выполнение долга (нравственное совершенствование, добродетельное поведение); зло – страсти (печаль, страх, вожделиние, удовольствие) (см. [5, с. 114–116; 283–285]). И. Кант доказывал, что исполнение долга (более альтруистично) нравственнее стремления к удовольствию (более эгоистично) [9, с. 123–124]. А создатель утилитаризма И. Бентам утверждал, что добро – удовольствие, зло – страдание [1, с. 95–96]. В силу доминанты материальной системы ценностей до сих пор достаточно широко распространено биолого-гедонистическое представление о добре и зле. С этой точки зрения добро есть здоровье, долгожительство, самосохранение, обзаведение потомством, телесный комфорт, отсутствие страданий; зло – болезни, бесплодие, плохое питание и плохие условия жизни, страх, чувство незащищённости, ранняя смерть.

Шекспировский Гамлет формулирует дилемму человеческого бытия как *«быть или не быть»* (то есть жить подлинной или ложной жизнью, «быть или казаться»). И. Кант ставит её так: *«долг или удовольствие»* (долг нравственнее, так как он – не эгоистичен). Человек XX век (по Э. Фромму) выбирает между *«быть и иметь»*. Современный же человек, скорее всего, выбирает между *«удовольствием и удовольствием»* (тем или этим, новым или старым, более или менее статусным, изощрённым), *«потреблением и потреблением»* («купить или купить»). Не случайно наш век называют *«веком потребления и гедонизма»* [14]. К этой теме близок афоризм М. М. Жванецкого *«Мы не дети любви, мы дети секса»*. От секса тоже рождаются дети, но они ущербные (Б. Ш. Окуджава: «А от любви бедной ребёнок будет бледным»), вступающие, отсюда, в ущербные отношения с миром (в том числе, и – мести за отсутствие любви, объясняющей их асоциальное поведение).

Для *субпассионария* выражением бессмысленности жизни предстаёт наличие смерти (если есть финальная черта, то зачем столько усилий, столько стараний). Ещё можно смириться с индивидуальной смертью (ведь есть память, есть твоё продолжение в детях), но как принять смерть человечества. Ведь через 4–5 млрд. лет Солнце погаснет, Вселенная погибнет и ВСЁ превратится в пыль. Чем не повод сойти с ума?

(см. А. П. Чехов «Палата № 6»). Но человеческая жизнь часто бессмысленна и без соотнесения её со смертью. Так, круг притязаний «животной личности» (по Л. Н. Толстому) уж слишком часто исчерпывается суетным, плотским. Лозунг римского плебса «Хлеба и зрелищ!» ныне звучит «Жрать и ржать!» (М. М. Жванецкий).

В «телесных людях» душа, по существу (в своих глубинах), находится в «спящем состоянии» (дух спит). Именно таких людей Н. В. Гоголь и назвал «мёртвыми душами» (они, собственно, не живут, а существуют, «добро и зло внимают равнодушно» (А. С. Пушкин). Они не совершают зло не потому, что добры, а лишь из страха перед наказанием (тот случай, когда человек внешне морален, а внутренне – безразличен). Именно в этой среде появляется агрессивная ненависть «к очкам и шляпам» (то есть, к интеллигенции), складывается мнение, что всё, что не имеет физической пользы и материального воплощения – «болтология», «тупость», «никчёмная трата времени и сил». Физические «маленькие удовольствия» здесь («радость днём» – еда, и «радость ночью» – секс), приятные раздражения рецепторов, утробный смех, юмор «ниже пояса», телесный комфорт, удовлетворение физических потребностей, чувство безопасности и бесхитростные развлечения воспринимаются как счастье (см. [9, с. 48–49]).

С точки зрения генетики, все люди на земле (и «произошедшие от обезьяны», и «рождённые Богом») – один биологический вид. Тем самым правомерно говорить о единой линии биологической эволюции предчеловека и развития человека (от древности до современности). Все археологические и палеоантропологические артефакты «работают» на подтверждение этой идеи. В какой-то момент («точка Альфа», понятно, что эта «точка» «процессуальна», растягиваясь на сотни тысяч лет) продолжающейся биологической линии развития предчеловека-человека, в ней начинает «проклёвываться» духовная линия эволюции. Вначале духовное пробуждается (вполне, вероятно, по логике развития диалектического противоречия) как внутренний момент биологического, как его тождество, затем начинает всё более отличаться от него внутри него, и, в какой-то момент («точка Альфа») отпочковывается (в определённой степени) от него (не теряя с ним единство и взаимосвязь). То есть начиная с «точки Альфа»

(рождение Христа?) духовное (больше как интенция, в «спящем состоянии») пребывает и в биологическом (при сохраняющейся его доминанте).

Именно этим и можно объяснить пафос ницшеановского Заратустры, корящего человека в «близости к обезьяне» и превозносящего «сверхчеловека», олицетворяющего доминанту сверхбиологического, находящую выражение в жизни «поэтов, философов и святых» (пребывающих в сверхживотном мире образов, мыслей и веры) (см. [12, с. 311–312]). Активно развёртывающийся до сих пор первый тип эволюции человека и даёт основание утверждать, что антропосоциогенез не завершён (и собственно человек ещё не сформирован); хотя второй тип эволюции, вполне аргументировано, свидетельствует обратное. Человечество – гетерохронно, пребывая в каждый момент своего развития в разновременных измерениях (не только в разных временных эпохах, но и на разных ступенях эволюционного развития).

Но именно в сверхбиологической линии эволюции человека (никогда не теряющей единение с биологическим) духовное актуализируется, стремясь больше к автономии и самодостаточности. Проблема «психофизического параллелизма» выходит здесь с уровня онтогенеза на уровень филогенеза. Появляются люди, более или менее тонко чувствующие духовные «пульсации» начинающие жить ими и к ним равнодушные (оставим за скобками вопрос, имманентное или трансцендентное происхождение имеет эта духовность). И в первой и во второй группе есть иерархия людских типов. В первой группе нижней ступенью этой иерархии является самосохранение, высшей – самоактуализация (см. «пирамиду потребностей» А. Маслоу). Самый обаятельный тип здесь – «душевный (но не духовный) человек». Во второй группе выше самоактуализации является подчинение своей воли «воле Божией», жизнь здесь кладётся «на алтарь правосудия», посвящается служению Идее, открытию Истины, служению «Прекрасной Даме» (как олицетворению Мечты, «золотой грёзы»), служению (созиданию) Красоте, Добротоделанию, смиренному служению другому человеку (ребёнку, больному, старику, «униженным и оскорблённым»). В то же время проявлены промежуточные людские типы, в которых достаточно актуализирована и животная, и духовная душа, что обуславливает их контрарные метания то «ввысь», то «вниз».

Из этой градации можно вывести *новое объяснение теодицеи*. Нравственное зло совершают (легко и спокойно) *плотские души*, так как для них такового зла не существует, а есть только физическое зло (вызывающее физические страдания, страдания плотской души). Нравственность для них как некая ценность и цель (в отличие от здоровья и имущества) – не существует. Поэтому они и «не замечают» её нарушение, не фиксируют её. Животная душа, живущая в социальном (моральном) мире, продолжает жить по животным законам. Зло здесь – следствие отстранения, изоляции плотской души от морали-нравственности (см. [8, с. 180–182]).

Извращённой (отчуждённой) формой идеи «чад божиих» является представление об их исключительности, богоизбранности («народ-богоносец», «народ-Христос», «высшая арийская раса», инквизиция, «белый» и «чёрный» расизм, «европоцентризм-еврорасизм», национализм, фашизм, ислаимзм, притязание религии на обладание единственной абсолютной истиной). Результат этого – высокомерие, презрение к «низшим расам», «неверным», «человеческому материалу», искушение своей исключительностью («тварь ли я дрожащая или право имею»). Для людей, живущих физической жизнью, Бог как метафизическая реальность «умер», а точнее, так и не родился, и отсюда – можно всё (Ф. М. Достоевский: «Если Бога нет, значит всё дозволено»); так рождаются «красные бесенята». Для псевдо-«чад Божиих» – «я» («мы») – бог («мы – совесть и судьи мира»), поэтому «нам» (и только «нам») можно всё. «Полюса сходятся»: вседозволенность рождается, когда «бог умер», и когда «я» («мы») – бог».

Слова Иоанна о том, что есть «чада Божи» и «не чада Божи», и обращённые ко всем людям слова Христа («будьте совершенны как совершен Отец ваш Небесный» [7]) образуют антиномию. Христос утверждает, что все люди на земле (независимо от религии, происхождения, социального положения и национальной принадлежности («нет ни эллина, ни иудея») – «дети Отца Небесного»). Иоанн утверждает – что не все. Антиномия разрешается через «синтез сторон». Христос истинствует, утверждая, что каждый человек – «дитя Бога», так как в каждом от рождения заложен «образ Бога». И Иоанн истинствует, так как «образ Бога» – это лишь «семя», которое и призван прорасти в своей душе человек (в этом и

есть смысл его жизни на земле). Те люди, которые вырастили из этого «семени» в своей душе «Древо Божие» и предстают «чадами Божиими». «Чада Божи» – те, кто открылся Богу, ответив на его любовь и милость верой и добротоделием. Не «чада Божи» – те, чьи души не открылись Слову Божьему, не воплотив своей жизнью Его замысел. Непророчность «образа Бога», образности, привела эти души к безобразности, безобразности (и вместо «образа» предстала «образина», вместо «лика» – «личина»). Итак, «чада Божи» – те, кто верит, любит, служит Отцу, идёт к Нему. Если Христос говорит об изначальном в человеке высшем даре Творца (как потенции): то Иоанн – о реальном в человеке как актуальности (раскрывшей или не раскрывшей эту потенцию).

Соотносимость филогенеза с онтогенезом даёт основание говорить о «двух рождениях» человечества. В древнегреческой философии (в частности, у Сократа и Платона) развёртывается идея «второго рождения» человека, которое и является собственно его рождением: рождение матерью – это «первое рождение», являющееся лишь предпосылкой для «второго», когда человек «рождает себя сам», критерием чего является открытие своей судьбы (и последующее её осуществление), это и есть истинное рождение человека. Переноса эти рассуждения на филогенетический уровень, мы приходим к выводу, что начало человеческой истории – это начало его «первого рождения». Во «второе рождение» человечество вступает тогда, когда открывает своё (общечеловеческое, планетарное, вселенское) предназначение, поняв смысл своего пребывания в Мироздании. Отчётливого понимания этого не сложилось до сих пор, из чего следует, что указанная стадия эволюции ещё не пройдена. Становление человечества в целостность пока не завершено, его бытие, во многом, ещё «атомарно» (что выражается в малой соотнесённости судьбы отдельного человека с судьбой человечества). Можно говорить о «телесном» (экономическом в частности) рождении человечества, но о «душе» человечества как единого органического целого – вряд ли (единое планетарное «душевное поле» ещё не оформилось). У человечества ещё «рассеянная душа», существующая пока в виде отдельных малосвязанных сегментов. В терминах *А. Тойнби*, человечество рождается тогда, когда услышит «вызов

Бога» и начнёт на него «отвечать». «Элита» здесь выступает «мотором», инициирующим эволюцию «масс» (см. [13, с. 126–127]).

Ф. Ницше утверждает, что «человек массы» – это «супершимпанзе», так как «масса», по своим определяющим доминантам, биологична. И в самом деле, в экстремальной ситуации нередко вся многовековая культура слетает с человека, обнажая его животные инстинкты и рефлексы, культура предстаёт «лёгкой позолотой» (ещё животной по существу) человеческой души (Ф. Ницше: «Вся человеческая культура – яблочная кожа над расколённым хаосом»). История XX века неоднократно демонстрировала, как великие культуры рождают антигуманную идеологию и политики (фашизм в Италии, Германии, Испании; сталинизм в СССР). Человечество многие ключевые вопросы до сих пор решает с позиции силы: доминирует не сила правды, а правда силы. По принципу силы («зоологического детерминизма») живёт биологический мир. Ф. Ницше, прежде всего, имел в виду, что у «массы» доминируют физиологические потребности (еда, продолжение рода, самосохранение, культ телесного здоровья и долголетия, гедонизм). Разница между этими людьми и животными лишь в том, что они сознательно стремятся к тому, что животное ищет

слепым инстинктом. Не вызывает сомнения, что экономика «работает» не на душу человека, а на его тело, обеспечивая ему бесконечный комфорт, безопасность и удовольствие. Расстояние между обычным человеком («супершимпанзе») и обезьяной гораздо меньше, чем между ним же и истинным человеком. Здесь уже – качественные различия, тогда как в первом случае – только количественные.

На протяжении всего своего исторического пути человечество – биологически едино, но метафизически – разнородно. Как однопорядковое целое к настоящему времени оно – больше возможность, чем действительность, больше – становящееся, чем ставшее, в своих глубинных сущностных интенциях, не постигшее своего главного предназначения, тем более, не реализовавшее его. История человека – это, по существу, ещё предыстория. Парадокс в том, что «тектоническая эволюционная трещина» проходит не только через общечеловеческое «душевное поле», но и, в той или иной степени, через душу каждого человека, через «мою» душу. И человечество, и человек, одновременно – и «чадо Божие», и «чадо плотское»; движимое и духовными, и плотскими интенциями сразу по двум эволюционным линиям: к Богу и от Него.

Литература

1. Бентам И. Введение в принципы нравственности и законодательства. – М.: Мысль, 2013. – 336 с.
2. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989. – 425 с.
3. Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. – Л., 1990. – 296 с.
4. Гурджиев Г. И. Всё и вся. – М.: ФАИР-ПРЕСС. – 2000. – 691 с.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль. – 2012. – 571 с.
6. Евангелие от Иоанна. – Гл. 1. – Стих 11–13.
7. Евангелие от Матфея. – Гл. 5. – Стих 48.
8. Казаков Е. Ф. Душа: метафизика самоопределения. – Кемерово, 2014. – 249 с.
9. Казаков Е. Ф. Душа человека XIX века (на материале европейского искусства) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 37, ч. 1. – С. 47–53.
10. Кант И. Критика практического разума. – М.: Наука, 2015. – 294 с.
11. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999. – 286 с.
12. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // По ту сторону добра и зла. – М.: ЭКСПО-Прессб 2012. – С. 295–556.
13. Тойнби А. Постыжение истории. – М.: Прогрессб 1991. – 736 с.
14. Уэльбек М. Элементарные частицы. – СПб.: Евразия, 2014. – 311 с.
15. Фромм Э. Быть или иметь. – М.: Наука, 2011. – 268 с.
16. Шестов Л. И. Власть ключей // Шестов Л. И. Соч.: в 2 т. – М., 1993. – Т. 1. – С. 496.

References

1. Bentam I. *Vvedenie v printsipy npravstvennosti i zakonodatel'stva* [Introduction to the principles of morals and legislation]. Moscow, Mysl' Publ., 2013. 336 p. (In Russ.).
2. Berdyayev N.A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [The philosophy of freedom. The meaning of creativity]. Moscow, 1989. 425 p. (In Russ.).

3. Gumilev L.N. *Geografiya etnosa v istoricheskiy period [The geography of ethnos in historical period]*. Leningrad, 1990. 296 p. (In Russ.).
4. Gurdzhiev G.I. *Vse i vsya [Everything]*. Moscow, FAIR-PRESS Publ., 2000. 691. (In Russ.).
5. Diogen Laertskiy. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filozofov [About the life, teachings and sayings of famous philosophers]*. Moscow, Mysl' Publ., 2012. 571 p. (In Russ.).
6. *Evangelie ot Ioanna. Gl. 1. Stikh 11–13 [The gospel of John. Chapter 1. Verse 11–13]*. (In Russ.).
7. *Evangelie ot Matfeya. Gl. 5. Stikh 48 [The gospel of Matthew. Chapter 5. Verse 48]*. (In Russ.).
8. Kazakov E.F. *Dusha: metafizika samoopredeleniya [Soul: the metaphysics of self-determination]*. Kemerovo, 2014. 249 p. (In Russ.).
9. Kazakov E.F. Dusha cheloveka XIX veka (na materiale evropeyskogo iskusstva) [The soul of man of the XIX century (on the material of European art)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2016, no. 37, part 1, pp. 47-53. (In Russ.).
10. Kant I. *Kritika prakticheskogo razuma [Critique of practical reason]*. Moscow, Nauka Publ., 2015. 294 p. (In Russ.).
11. Maslou A. *Motivatsiya i lichnost' [Motivation and personality]*. St. Petersburg, Evraziya Publ. 1999. 286 p. (In Russ.).
12. Nitshe F. Tak govoril Zaratustra [Thus spoke Zarathustra]. *Po tu storonu dobra i zla [Beyond Good and Evil]*. Moscow, EKSPRESS-PRESS Publ., 2000, pp. 295-556. (In Russ.).
13. Toynbi A. *Postizhenie istorii [A study of history]*. Moscow, Progress Publ., 1991. 736 p. (In Russ.).
14. Uel'bek M. *Elementarnye chastitsy [Elementary particles]*. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2014. 311 p. (In Russ.).
15. Fromm E. *Byt' ili imet' [To be or to have]*. Moscow, Nauka Publ., 2001. 268 p. (In Russ.).
16. Shestov L. I. *Soch. Vlast' klyuchey [Coll. The power of the keys]*. Moscow, 1993, vol. 1. 496 p. (In Russ.).